

Л.Г. Чапаева

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф.И. БУСЛАЕВА В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ 40–50-Х ГГ. XIX ВЕКА (К 200-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ)

Рассматриваются начало деятельности и формирование Ф.И. Буслаева как ученого в 40–50-х гг. XIX века. Проанализирован идеологический контекст эпохи, в частности противопоставление славянофилов и западников, разногласия которых касались и взглядов на русский язык. Охарактеризована собственная позиция Ф.И. Буслаева в этой дискуссии. Доказано, что его лингвистические взгляды в целом оказываются в русле славянофильской теории.

Ключевые слова: славянофил, западник, лингвистическая теория, народный язык, церковнославянский язык.

Activity and the formation of F. I. Buslaev as a scientist starts in 40–50-th years of XIX century. The ideological context of the epoch was the confrontation of the Slavophiles and Westerners, their disagreements concerned views on Russian language also. Buslaev considered that doesn't belong to any groups. The article substantiates the conclusion that linguistic views of Buslaev in general are in line with the Slavophile theory.

Keywords: Slavophile, Westerner, linguistic theory, the vernacular, Church Slavonic language.

Своеобразие русской культурной жизни 1830–1850-х гг. связано с противостоянием двух идеологических течений – славянофильства и западничества. Принадлежность к той или иной группе определяла отношение к прошлому, настоящему и будущему не только исторического пути России, но и ее языка. Это приводило к оппозиции и лингвистических установок, поскольку национальный язык, его современное состояние и перспективы развития, и у славянофилов (особенно), и у западников стояли не на последнем месте в их идеологических построениях. Именно в спорах о языке наиболее ярко, на наш взгляд, проявились две базовые культурологические оппозиции: взаимодействие *своего* и *чужого*, *старого* и *нового*, которые могли перекрещиваться, например: *свое старое / чужое новое; свое новое / чужое новое*. Противостояние обеих лингвистических концепций заключалось в разных

представлениях о соотношении и взаимодействии маркированных элементов в составе литературного языка, в качестве которых выступают церковнославянизмы (церковнославянский язык в целом), заимствования и народно-просторечные единицы (народный язык).

На это бурное время и пришлось обучение в Московском университете и становление Ф.И. Буслаева как преподавателя-практика и ученого. Его имя известно каждому филологу – не только историкам языка, но и методистам и литературоведам. Два его фундаментальных труда входят в золотой фонд русистики [1; 4].

Федор Иванович в письмах и воспоминаниях неоднократно подчеркивал, что ему удалось остаться в стороне от идеологических споров и не примкнуть окончательно ни к одному из противоборствующих лагерей: «На моих глазах зачиналась междоусобная война славянофилов с западника-

ми, и я, не думая, не гадая, очутился между двумя враждебными лагерями, но, сыскав себе укромное местечко, спрятался в своей маленькой крепостце до поры до времени от выстрелов того и другого» [3, с. 301]. Его личные человеческие симпатии принадлежали славянофилам, которых он считал «недосягаемыми образцами высшего совершенства» [там же, с. 291]. «В среде московских славянофилов я узнал и полюбил бесподобных людей, а не их славянофильство. Мне и в голову не приходило задаваться мыслью, в чем и как отличается себя эта партия от западников. Это меня нисколько не интересовало. Потому и о себе самом я не мог догадываться, кто я таков, славянофил или западник» [там же, с. 298]. Однако и западника Т.Н. Грановского Буслаев ценил столь же высоко: «Никого на свете не знал я лучше Грановского, совершеннее во всех отношениях» [там же, с. 314]. Кстати, западники считали Буслаева «настоящим славянофилом и теперь приходили в недоумение при виде такой разнокалиберной смеси моих ученых интересов, которые широко и далеко выступали из узких пределов славянофильской программы. “Что же вы такое? – спрашивали они меня. – Славянофил или западник?” – “Да и сам не разберу”, – им отвечал я» [3, с. 299].

Так кем же был Буслаев по своим лингвистическим взглядам? На наш взгляд, его лингвистическая концепция во многом совпадает с установками славянофилов. Объем статьи не позволяет подробно излагать взгляды славянофилов и западников, поэтому кратко охарактеризуем отношение славянофилов к названным группам маркированных элементов в составе русского языка (подробнее о дискуссии см. [7]).

1. В отношении славянофилов к народному языку прежде всего следует отде-

лить идеологическую и лингвистическую стороны вопроса. Идеализируя патриархальное крестьянство и приписывая ему все свойства русского характера, ума, духа, они в большинстве своем отрицательно относились к диалектизмам и просторечию (т.е. к народному языку в его широком понимании) в художественном тексте и, следовательно, как к средству обогащения книжного, литературного языка. Большая часть славянофилов (кроме В.И. Даля) под народным русским языком понимали не реальные областные говоры или просторечие, а некий абстрактный, идеальный народный язык, в состав которого входит прежде всего язык фольклора, а не реальная речь тех же крестьян, древнерусских текстов исторического и церковного содержания (а это язык церковнославянский). *Свое старое*, во многом абстрактно идеальное, допетровское (к преобразованиям Петра I славянофилы относились сугубо негативно, идеализируя не только древнее состояние языка, но и древнюю эпоху в целом), лучше, чем *чужое* (заимствованное) – по крайней мере, для народа.

2. Церковнославянский язык ко времени споров славянофилов и западников ограничил сферу функционирования церковной областью. Не только западники, но и многие филологи осознали церковнославянский язык как *чужое* и *старое* в русской культуре и языковой ситуации. Славянофилы относились к этому также, но, определяя православие центральное место в русской жизни, они не считали возможным полностью отказаться от архаичных церковнославянских элементов в русском языке. Они воспринимали их не столько как явления *чужого* языка, сколько как явления исконного (т.е. *своего*), *славянского* (объединяющего древнерусский и церковнославянский языки), национального на-

чала, которое должно быть выше и ценнее общечеловеческого. Церковнославянский язык может занимать в культурологической оппозиции сферу *нового*, т.к. он стал неотъемлемой частью русского книжного языка. Отказ от него невозможен, а обучение ему необходимо и полезно, следовательно, в перспективе он будет участвовать в развитии и обогащении русского литературного языка.

3. Описываемая эпоха богата иноязычными заимствованиями. Это во многом связано с тенденцией к терминологизации взглядов и концепций, с более четкой их дифференциацией. Безусловно, иноязычные заимствования – это сфера *чужого* в культуре и языке, но относиться к ним можно по-разному. Для западников интернациональность заимствуемых слов означала включение России в общеевропейский, мировой процесс развития; для славянофилов они оцениваются не просто как чуждое, но бездуховное и поэтому опасное для русского национального самосознания, для православной культуры. «*Свое* и *чужое*, *родное* и *иноязычное* воспринимаются на уровне идеологической антитезы, а не семантики и стилистики конкретного слова. Важно, из какого лагеря исходят те или иные установки: то, что считается правильным, соответствующим литературной норме по мнению западников, отрицается славянофилами и сторонниками официальной народности не только как порча родного языка, но и как вредное идеологическое средство» [7, 234].

Итак, обратимся к взглядам Буслаева.

В отношении к историческому прошлому русской культуры и языка Буслаев вполне согласен со славянофилами: «Все прошедшее в языке и литературе никогда не умирает для настоящего, а как необходимый элемент входит живительно

силою, чудотворно претворяется в современное и остается залогом усовершенствованию для будущего» [4, с. 94]. Именно Буслаеву в русской филологии принадлежит тезис о тесной связи истории языка с историей его народа: «Все настоящее, в нравственном быту народа, коренится на прошедшем <...> причина современному глубоко погружена в недрах исторического развития народа <...> тупо всякое заморское философствование там, где оно надувается натяжками объяснить частный факт», – писал Ф.И. Буслаев [2, с. 44]. Господство в филологии этого времени сравнительно-исторического метода во многом определило общность позиций славянофилов и Буслаева: не только реконструкция прошлого идеального состояния языка, но и его возрождение в современности, по крайней мере, сохранение в языке всего накопленного за долгие века. Буслаев изучал не только письменные древние памятники, но и устное народное творчество, хотя – и это формально отличало его позицию от славянофильской, – не видел в этих произведениях «народных сокровищ доморощенной мудрости, равных которым по их глубине не было и нет во всем мире» [3, с. 300]. В то же время, объясняя свой интерес к старинным текстам, Буслаев изучал не столько грамматические формы, сколько «слова как выражения впечатлений, понятий и всего мирозерцания народа в неразрывной связи с его религиею и с условиями быта семейного и гражданского» [там же, с. 308], характеризуя, таким образом, пусть и не «доморощенную мудрость», но мироощущение, языковую картину мира, а не только язык как набор средств для выражения этого мироощущения.

В составе общенационального русского языка главная роль принадлежит

народному языку. По мнению Буслаева, «точность и простота» народной речи определяют ее более высокий статус по сравнению с искусственной речью современной литературы, а «Крылов, Грибоедов, Пушкин окончательно узаконили необходимость ввести народный язык в письменный» [4, с. 300]. Исследователь расширяет границы народного языка как высшей формы его национального существования, включая в его состав архаизмы и относя к ним «все старинные выражения, соответствующие древней русской жизни», а также «церковнославянские формы» [там же, с. 271]. «Разветвлениями» народного языка являются провинциализмы, т.е. лексические и грамматические явления областных наречий, которые частично используются в «теперешнем слоге» [там же, с. 354].

Роль церковнославянского языка в составе русского литературного славянофила и Буслаев оценивали одинаково высоко. Одной из специфических черт русской языковой ситуации является «средостение» церковнославянского и народного языка как равноправных элементов русского слога [с. 4, с. 400]. Поэтому «нынешний русский язык литературный или язык образованного общества представляет неразделимое сочетание элементов русского наречия с элементами церковнославянского» [1, с. 35]. Славянизмы стали органичной частью русского языка, без них не обходились ни в древности, ни сейчас: «Как в старинных памятниках церковнославянских, в летописях, посланиях и особенно юридических актах постоянно попадают русские речения между церковнославянскими, так и в народной речи как архаизмы рассеяны славянизмы» [с. 4, 337]. Таким отношением к церковнославянскому языку объясняется методологический подход

к описанию современного Буслаеву русского языка. Книга неслучайно получила название «Историческая грамматика русского языка».

Позиция Буслаева совпадает со славянофильской и по отношению к заимствованным лексемам. Для XIX века характерен общий термин *варваризмы* (от греч. *barbaros* – чужеземный). В настоящее время он обладает более узким значением (см., например, [5]). Буслаев, оговариваясь, что «наука запрещает пристрастно нападать на варваризмы и упрямо изгонять их из всеобщего употребления» [4, с. 340], т.е. признавая ненаучность пуристического взгляда на заимствования, тем не менее, отрицательно оценивает «чуждое» влияние в языке, считает его «ложным» и подчеркивает «невразумительность» для народа варваризмов, «отягощающих речь, как лишний нарост» [там же]. Петровский период бурного проникновения иноязычных слов в русскую письменность он рассматривает как «насильственную порчу языка» [там же, с. 349]. Следует заметить, что пуристический подход к заимствованиям в русской филологии данной эпохи преобладает, его отличает субъективность оценок тех или иных заимствованных лексем. С каждым из новых иноязычных слов был связан комплекс общественно-политических взглядов, а за борьбой вокруг отдельных из них скрывалась борьба различных мировоззрений, вплоть до представлений о нравственности: «История варваризмов идет рука об руку с народной образованностью; вопрос об языке тесно присовокупляется к вопросам нравственным и разрешается борьбой народного с чужеземным» [там же, с. 372]. В данном случае прослеживается несомненная преемственность взглядов архаистов и славянофилов, к которым в данном случае

примыкает Буслаев. Эту идею высказывал еще А.С. Шишков, деятельность которого Буслаев оценивает положительно как борьбу с «варваризмами, которые Карамзин с своими последователями вносил в наш язык в первом периоде своей деятельности» [там же, с. 352]. «Признавая законность того, что уже есть в языке, они не хотели признавать законность того, что продолжает в нем складываться <...> Признавая прошлые заимствования, те, которые уже прочно вошли в язык, <...> потеряли иноязычный отпечаток и ассимилировались <...>, они возражали против тех заимствований, которые еще только входили в язык» [6, с. 173]).

Таким образом, несмотря на то, что Буслаев в своей концепции, как и славянофилы, рассматривал историю языка в неразрывной связи с его настоящим, он в значительной степени оценивал ее как совокупность фактов прошлого, как данность языка во всех его разновидностях, во всех унаследованных формах. Эту данность как богатство надо беречь и культивировать, охранять от чужеземного влияния. Как любой пуристической теории, этой концепции не достаёт историчности, т.е. понимания того, что язык развивается постоянно, независимо от воли людей и в своем качестве живой системы может самоочищаться, отбрасывая лишнее, ненужное.

Литература

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Наука, 1959.
2. Буслаев Ф.И. Материалы для русской грамматики. О местоимениях вообще и о русских в особенности. И.И. Давыдов // Москвитянин. 1845. № 2. С. 41–55.
3. Буслаев Ф.И. Мои Досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / Сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2003.
4. Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1992.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
6. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е гг. XIX века. М.; Л.: Наука, 1965.
7. Чапаева Л.Г. Культурно-языковая ситуация в России 1830–1840-х гг. в контексте споров славянофилов и западников. Saarbrücken, Deutschland: Palmarium academic publishing, 2014.

Literatura

1. Buslaev F.I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. M.: Nauka, 1959.
2. Buslaev F.I. Materialy dlya russkoj grammatiki. O mestoimeniyah vooobshche i o russkih v osobennosti. I.I. Davydov // Moskvityanin. 1845. № 2. С. 41–55.
3. Buslaev F.I. Moi Dosugi. Vospominaniya. Stat'i. Razmyshleniya / Sost., primech. T.F. Prokopova. M.: Russkaya kniga, 2003.
4. Buslaev F.I. Prepodavanie otechestvennogo yazyka: Ucheb. posobie. M.: Prosveshchenie, 1992.
5. Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. Yarceva. M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1990.
6. Sorokin Yu.S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka: 30–90-e gg. XIX veka. M.; L.: Nauka, 1965.
7. Chapaeva L.G. Kul'turno-yazykovaya situaciya v Rossii 1830–1840-h gg. v kontekste spоров slavyanofilov i zapadnikov. Saarbrücken, Deutschland: Palmarium academic publishing, 2014.